

М. Б. Конашев

ОБ ОДНОЙ НАУЧНОЙ КОМАНДИРОВКЕ, ОКАЗАВШЕЙСЯ БЕССРОЧНОЙ

Идеологическая и культурная ситуация, складывающаяся в нашей стране в результате преобразований, получивших наименование перестройки, все в большей степени позволяет не только исследовать «белые пятна» на карте истории советского общества, в том числе на карте истории советской науки, но и по существу впервые всерьез приступить к изучению таких аспектов и проблем, которых раньше либо вовсе не касались, либо единственной целью обращения к которым было «научное обоснование» той или иной политической установки или теоретической догмы. Идеология и наука, власть и наука, ученый и общество — эти и многие другие темы уже стали необычайно интересными и важными для всех, не только историков и философов. При этом анализ частного случая, конкретного исторического эпизода или судьбы отдельного ученого, поворотного момента в этой судьбе нередко позволяет ответить и на общие, сущностные вопросы, решить или по крайней мере обозначить во всей их остроте и актуальности проблемы далеко не частного характера и масштаба.

Одним из таких случаев, таких эпизодов является неоконченная научная командировка за границу Феодосия Григорьевича Добржанского, выдающегося генетика-эволюциониста XX в., одного из создателей синтетической теории эволюции. Неоконченная, потому что Добржанский, как и некоторые другие его соотечественники, попавшие за рубеж в середине—конце 20-х гг. (пожалуй, наиболее известные сегодня астрофизик Г. А. Гамов, экономист В. Леонтьев, биолог Н. В. Тимофеев-Ресовский), из этой поездки не вернулся, став «невозвращенцем».

Сейчас, когда отношение к «невозвращенцам» и «эмигрантам» изменилось, свидетельством чему является и ряд публикаций в самых массовых изданиях (Большаков, 1989; Гранин, 1989),¹ само политическое клеймо «невозвращенец» потеряло свой злоеший смысл и превратилось всего лишь в исторический факт; вряд ли требуется доказательство того, что «невозвращенец» не был ни предателем, ни изменником родины. Но причины и обстоятельства, приведшие многих к необходимости драматичного, подчас трагического решения, безусловно требуют выяснения и обнародования.

Ф. Г. Добржанский родился 12 (25 по старому календарю) января 1900 г. в небольшом провинциальном городке Немирове на Украине.² В 1917 г. окончил 6-ю Киевскую гимназию. После учебы в Киевском университете на физико-математическом факультете он в 1920—1923 гг. работает ассистентом кафедры зоологии на сельскохозяйственном факультете Киевского политехнического инсти-

тута. С 1924 г. по приглашению Юрия Александровича Филипченко Добржанский работает ассистентом на кафедре генетики Ленинградского университета, а с 1925 г. — ученым специалистом Отдела генетики Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС АН СССР). В 1927 г. он благодаря хлопотам Ю. А. Филипченко получает возможность поехать в США в качестве стипендиата (Research fellow of the International Education Board) во всемирно известную лабораторию отца хромосомной теории наследственности — Т. Г. Моргана, не предполагая, что его научная командировка окажется бессрочной.

Что же произошло с 1927 по 1929 г. в США с Ф. Г. Добржанским и что произошло в СССР такого, что заставило Добржанского, знавшего о возможных последствиях своего шага,³ принять именно то решение, которое он принял?

Хотя многие документы, хранящиеся в различных архивах, в том числе частных, еще предстоит изучить (часть их недоступна по разным причинам), а некоторые, возможно, и существуют, но неизвестны, уже сегодня с достаточной степенью полноты и достоверности можно ответить на поставленный вопрос, основываясь на переписке Ф. Г. Добржанского с Ю. А. Филипченко и Н. И. Вавиловым,⁴ а также на некоторых других литературных источниках.

Отправляя Добржанского за океан, Ю. А. Филипченко видел в нем не только своего главного помощника в будущем практически во всех делах и в университете, и в КЕПСе (а возможно, и преемника). Главная цель командировки Добржанского состояла в том, чтобы на кафедру генетики вернулся не начинающий, хотя и очень талантливый молодой ученый, а опытный специалист мирового класса, способный обеспечить быстрое и успешное развитие генетики в Ленинграде (и содействовать развитию генетики в стране в целом), став фактическим руководителем нескольких, наиболее актуальных тогда направлений генетических исследований. Советуя Добржанскому задержаться в США на возможно более длительный срок, в частности в письме от 1 января 1929 г., Ю. А. Филипченко исходил как раз из того, что «3—4 года работы в моргановской лаборатории сделали бы из Вас, Феод. Григ., если не второго Моргана, то по крайней мере одного из самых блестящих морганоидов вроде Стертеванта».⁵

Именно в интересах развития генетики Ю. А. Филипченко 15 марта 1928 г. подчеркивал необходимость обретения Добржанским большей самостоятельности, отмечая несоответствие научного роста Добржанского занимаемой им должности ассистента,⁶ а 19 апреля того же года писал Добржанскому: «...в интересах работы в лаборатории очень бы хотел провести Вас на высшее амплуа — доцента».⁷ В конце того же года, 12 декабря, он обещал Феодосию Григорьевичу: «...постараюсь поставить Вас в наилучшие условия для Вашей собственной работы и Вашего дальнейшего развития, как я это понимаю».⁸ Узнав, что Добржанский стал assistant professor, Ю. А. Филипченко отмечал, что «год работы в американском звании будет Вам чрезвычайно полезен в смысле position sociale».⁹ Таким образом, Ю. А. Филипченко хотел, чтобы научный статус Добржанского во всех смыслах и отношениях был к моменту его возвращения в СССР как можно выше.

По возвращении Добржанского предполагалось развертывание генетических исследований на дрозофиле. Первоначально в группу дрозофилистов помимо Добржанского должны были войти Ю. Я. Керкис, М. Л. Бельговский и Н. Н. Медведев, о которых 1 сентября 1929 г. Ю. А. Филипченко писал: «...наши трое дрозофилистов — Керкис, Бельговский и Медведев — ждут Вас с воодушевлением. Ведь они мною совершенно брошены, руководить ими я почти не могу, и они ждут Вас как манны небесной».¹⁰ В этом же письме Ю. А. Филипченко настойчиво просил Добржанского: «1) руководить работами всех дрозофилистов, число которых сейчас же после Вашего прибытия сильно возрастет, причем я буду рад-радехонек совсем не вмешиваться в эти дела, 2) читать специаль-

ный курс, вроде частной генетики, план которого мы вместе выработаем».¹¹ Ю. А. Филипченко планировал, что помимо чтения такого курса Добржанский будет вести еще «только дрозофильный практикум и специальные темы»,¹² о чем сообщал в письме от 16 ноября 1929 г. Еще раньше, 10 марта 1929 г., признавая справедливость упреков Добржанского в том, что в лаборатории работают плохо и мало, Ю. А. Филипченко восклицал: «Виноват тут я больше всего сам, ибо не люблю и даже не умею руководить работой других! Вот Вы придете — я передам в Ваше распоряжение всех, кого захотите, у меня же дело это не клеится».¹³

К развертыванию генетических исследований на дрозофиле готовились по обе стороны океана. Находясь в Америке, Добржанский с самого начала стал руководить исследованиями дрозофилистов, предлагая им темы исследований и контролируя их выполнение посредством переписки как с самими подопечными, так и с Ю. А. Филипченко. Получив известие о том, что Добржанский может задержаться, Ю. А. Филипченко 1 сентября 1929 г. особо просит Добржанского «вести оттуда, как это ни трудно, руководство работами Керкиса, Медведева и Бельговского, а также других, кто пожелает заниматься дрозофилой».¹⁵ Одновременно шла и непосредственно практическая подготовка. Филипченко рассчитывал использовать не только опыт и знания, приобретенные Добржанским в лаборатории Моргана, но и культуры дрозофилы и агар, которые Добржанский по возвращении должен был захватить с собой. 16 января 1929 г. Добржанский написал Ю. А. Филипченко, что «хотел бы привести с собой число культур дрозофилы, лежащее между 100 и 130», и что для их приема нужно сделать, в частности, приготовить 300—400 цилиндров и второй дрозофильный шкаф.¹⁶ Замысел был по-своему грандиозен. 21 января 1929 г. Добржанский признавался Ю. А. Филипченко: «А ведь если я привезу то, что я хотел бы привезти, и если это можно будет поддерживать в наших бедных условиях, то это будет первая коллекция в Европе».

Ю. А. Филипченко 10 февраля 1929 г. отвечал Добржанскому: «Культур привозите, сколько влезет. Цилиндры будут запасены в достаточном количестве, изюм тоже, а об агаре сами позаботьтесь — здесь его нет. Второй шкаф постараюсь Вам приготовить к возвращению».¹⁸ В связи с переездом Бюро генетики в новое помещение Ю. А. Филипченко 16 февраля того же года сообщал Добржанскому, что для дрозофилистов, в том числе для самого Добржанского, готовы оборудование и места для работы.¹⁹ В частности, не без гордости изложив подробности обустройства на новом месте, Ю. А. Филипченко подводил следующий итог: «Таким образом, Вы можете разместить часть дрозофил в Университете, часть в Кепсе и работать над ними в обоих местах, что даст возможность использовать на расходы по этому делу средства Кепса».²⁰ Это сообщение Ю. А. Филипченко очень обрадовало обоих Добржанских. Наталья Петровна даже сделала по этому случаю специальную приписку к письму мужа от 12 марта 1929 г., а Добржанский тут же высказал ряд предложений о том, как лучше организовать дрозофильные исследования.²¹

О дальнейшем успешном ходе подготовки Ю. А. Филипченко известил Добржанского 7 апреля 1929 г.: «Закупка агара-агара возлагается всецело на Вас: здесь его нет. Все остальное для Вас мы тут запасаем. Купили уже достаточное количество цилиндров, которые, впрочем, приходится охранять от попользований Керкиса и К°, запасли порядочно и изюма. Что же касается до агара, купите его, сколько нужно, и вышлите — только лучше на мое имя, а часть на Bureau of Genetics of Commission for Exploration Natural Forces of Academy of Sciences. Так будет удобнее».²²

Кроме того, часть культур Добржанский должен был привезти Н. А. Ильину, по его просьбе, изложенной в письме Ю. А. Филипченко от 26 марта 1929 г.

Необходимостью транспортировки большого количества культур дрозофилы определяется и выбор пути Добржанских домой. Первоначально Ю. А. Филип-

ченко настаивал на восточном варианте возвращения — через Японию и Владивосток,²⁴ но затем, из соображений сохранения культур высказался 10 февраля 1929 г. за западный: «Раз Вы везете культуры, я меняю свое мнение, что лучше ехать через Японию».²⁵ Изменение своей точки зрения Ю. А. Филипченко подтвердил в письме от 16 февраля 1929 г.: «Возвращаясь к Вашим делам, я решительно высказываюсь за возвращение через Woods Hole и Европу. Дело дело — путешествие же путешествием! Поедете через Японию — рискуете погубить все культуры».²⁶

В свою очередь Ф. Г. Добржанский, обсуждая в письме от 21 января 1929 г. оба варианта пути, тоже высказался сначала за восточный, указав, однако, на его главный недостаток: «Беда в том, однако, что это, во-первых, вызвало бы более ранний отъезд (лаборатория едет в Woods Hole в первых числах июня или даже в последних мая) и, во-вторых, и это главное, эта редакция несомненно менее благоприятна для перевозки мух, чем путь через Атлантику. А это моя главная задача. Ведь в такой перевозке даже в самом благоприятном случае погибает около 20% культур (опыт моих предшественников), а если будет поддержка с пересадкой, неизбежная в пути от Сан-Франциско до Токио даже без остановки в Гонолулу, то может ничего не остаться».²⁷ 11 февраля 1929 г. он, обещая Ю. А. Филипченко «точно выяснить вопрос о том, поедем ли мы через Европу или через Азию», опять пишет о своих опасениях в связи с переездом: «Переезд будет тяжел из-за мух, я очень его боюсь, так как в конце июня и в июле как бы не поехать, легко можно поехать в температуру выше 30° Цельсия, что будет фатально для мух».²⁸ Еще через месяц, 9 марта, Добржанский, сообщая Ю. А. Филипченко, что еще не решил, каким путем ехать, и что в Нью-Йорке жара, вновь подчеркивал, что главное в этом выборе — как лучше донести мух.²⁹

Поскольку в письме от 12 марта 1929 г. Добржанский доказывал, что оба пути для мух равнозначны и, вероятно, возвращаться придется все-же через Японию³⁰ (как писал Добржанский ранее, 9 марта 1929 г., «если мы поедем домой *via* Jaran, то визу на просроченный паспорт нам все же поставят»),³¹ Ю. А. Филипченко 7 апреля детально аргументировал свою точку зрения, отстаивая западный вариант: «Мне вполне понятны все преимущества пути Гонолулу — Токио — Владивосток. Но если даже дрозофильным культурам ничто не угрожает на пароходе в Тихом океане, то учитываете ли Вы неудобства переезда в железнодорожных вагонах по Сибири, главное же таможенно во Владивостоке, в которой могут пожелать поковырять агар в Ваших пробирках, и т. п. ...Но все же есть разница вступить с 150 культурами дрозофил на почву СССР во Владивостоке или здесь на Николаевской набережной...» Об опасностях на таможне Ю. А. Филипченко предупреждал Добржанского и раньше, 10 февраля 1929 г.: «Имейте в виду, что самое опасное для культур — таможня. Для заграничных Вам придется взять бумажку от Моргана, из Kaiser Wilhelm Institut и т. п. учреждений. Для русской заберите бумагу в последнем нашем полпредстве, и я постараюсь выслать Вам такой же документ от Академии — в Берлин или, может быть, в Токио?»³³

Изменения в сроках пребывания в США в связи с тем, что «Board сменил гнев на милость и пожаловал мне полугодичную стипендию»,³⁴ склонили Добржанского в пользу принятия точки зрения Ю. А. Филипченко: «Можно было бы прожить в Woods Hole месяца три, и примерно в начале сентября тронуться в путь-дороженьку *via* Еуроге с тем, чтобы в конце сентября быть дома», так как, среди прочего, «это будет идеальное время для перевозки мух: уже не жарко, но еще не холодно».³ Этот выбор Добржанский подтвердил 16 апреля 1929 г.: «Как бы то ни было, если не произойдет каких-либо неожиданностей, решили ехать в Woods Hole, а оттуда через Нью-Йорк и Европу домой».³⁶

Намереваясь продолжить и расширить исследования по зоотехнии, Ю. А. Филипченко рассчитывал на то, что Добржанский обстоятельно по-

знакомится с состоянием дел в данной области в США, посетив ряд соответствующих учреждений, в том числе опытных станций. Ю. А. Филипченко хотел собрать максимум информации и обязать Добржанского изложить ее в виде книги, что видно из его письма от 26 марта 1928 г.: «С большим интересом прочитал Ваше описание Cold Spring Harbor'a: жаль, что не написали об нем еще подробнее. Советую Вам теперь же записать все о нем для себя, приложив к этому планы, проспекты и т. п. Такие вещи очень быстро забываются, и их хорошо можно написать только под первым впечатлением. Пускай это будет первая глава Вашей будущей книги, которую Вы должны написать, — и вовсе не о постановке зоотехнии (это между прочим!), а вообще о генетических исследовательских лабораториях в Соед. Штатах».³⁷

Но Добржанский не в полной мере оправдывал, с точки зрения Ю. А. Филипченко, возлагавшиеся на него надежды, а все его объяснения Ю. А. Филипченко не принимались. 16 сентября 1929 г. он писал Добржанскому: «Чтобы за одно и ругнуть Вас, что я делаю и из чувства долга и из сознания, что „с этого они лучше растут“, позвольте вернуться к нескольким фразам Вашего последнего письма, где Вы хвалитесь, что выполнили мои просьбы по зоотехнической и вообще животноводно-генетической части, посетив Cold Spring Harbor и какую-то Geneva'- Позвольте сказать Вам, что это только бахвальство, и ничего более. Еще бы Вы не побывали в Cold Spring Harbor'e, живя в Нью-Йорке, — это было бы совершеннейшим идиотством! А чего стоит Ваша Geneva? Разве о ней была речь? А Мэнская станция, Бостон, Балтимор, Вашингтон, Чикаго? Что видели Вы из этих крупнейших генетических центров? Нет, скажите откровенно, что Вы про...али в этом отношении свое пребывание в восточных штатах и хвалиться этим, право, нечего. Вероятно, у Вас имеются оправдывающие обстоятельства — это другое дело; я протестую лишь против Вашего самодовольства в этом отношении».³⁸

Правда, осенью, убедившись в бесплодности попыток добыть валюту, предназначавшуюся, по замыслу Ю. А. Филипченко, для поездок Добржанского по Соединенным Штатам, Юрий Александрович смягчает свою позицию: «Вчера был у нас М. Н. Римский-Корсаков, много рассказывал про Америку. Между прочим — чтобы покончить с этими деловыми разговорами — из бесед с ним мне стало понятно, почему вы спрашиваете меня — куда Вам следует поехать и т. д., точно Вы имеете какие-то обязательства ко мне. Это сплошное недоразумение, и только. Если бы Вам была переведена валюта в размере 200—300 долларов, чего я тщетно добивался всю весну, пока не сложил оружия, я считал бы, что Вам следует осмотреть кое-что интересное и для нас по известной программе. Сейчас ничего подобного нет, и я могу лишь посоветовать Вам заниматься своим делом, не думая о каких-либо поездках. Вообще же странно было бы, вероятно, быть в Калифорнии, не заехав в San Francisco, что Вы, несомненно, рано или поздно сделаете, а если так, то побываете в Berkly у Claussen'a и K⁰».³⁹

Упреки Ю. А. Филипченко отчасти имели под собой основания субъективного свойства. Хотя Добржанский старался посетить все самые интересные генетические (не только зоотехнические) центры США и информировать с наибольшей полнотой об этих центрах, а также о всех сколько-нибудь интересных встречах и событиях, будь то доклад, рукопись еще не напечатанной статьи или беседа,⁴⁰ его основные интересы находились в стороне от зоотехнии и дальнейшего его участие во всех делах, с нею связанных, еще при отъезде в США рассматривалось скорее как своего рода обязанность, чем как реализация собственного стремления: «Как я говорил Вам в одно из наших последних свиданий, а затем писал в письмах, я не считал для себя исключенной возможность поехать когда-либо в одной из экспедиций, при условии, что 1) это не лишило меня возможности научно работать, как это имело место в прошлые годы, 2) моя работа не будет иметь характера таскания каштанов из огня для других лиц, как это в значительной мере было раньше».⁴¹ В том же письме от 3 октября 1928 г. Добр-

жанский решительно заявляет о том, что его решение не участвовать в зоотехнических экспедициях «является окончательным, и я прошу Вас в будущем строить все планы экспедиций без моего участия».⁴²

Несмотря на столь энергичный отказ, Ю. А. Филипченко все же не оставлял надежду на то, что, вернувшись, Добржанский вновь в полную силу займется этим важным для самого Ю. А. Филипченко и всей лаборатории делом, станет и здесь, как и раньше, его «правой рукой». Об этой надежде свидетельствует и регулярное подробнейшее изложение всех перепетий, связанных с зоотехническими экспедициями (проблемы финансирования, укомплектования экспедиций людьми, маршруты отрядов, полученные данные и их обработка, планы на будущее⁴³) и прямые высказывания Ю. А. Филипченко. 16 сентября 1928 г. он пишет: «...когда Вы вернетесь, вопреки всему тому, что Вы пишете о своем отношении к зоотехническим делам, я надеюсь, что Вы еще поработаете в этом направлении».⁴⁴ В связи с предполагаемой экспедицией в Монголию Ю. А. Филипченко писал 28 октября 1928 г.: «Это не очередная поездка, как были до сих пор, а редкое счастье, которое может выпасть на нашу долю. Так я на это смотрю, и Вам советую так смотреть. Если этого нам удастся добиться (Писарева в этом году так туда и не пустили), я снова — не считаясь с Вашими отказами и т. п. — предложу прежде всего Вам поехать туда, но если Вы не захотите, то, конечно, поедут другие. Словом, ко всему этому, мне кажется, следует относиться гораздо проще и спокойнее, чем относитесь Вы».⁴⁵

Но Добржанский в письме от 14 ноября 1928 г. снова подтвердил свое прежнее решение: «На будущее же этот вопрос исчерпан, и Вы хорошо делаете, если рассчитываете все зоотехнические дела без моего участия. Я к ним никогда не вернусь (это касается, конечно, и Монголии)».⁴⁶ Более того, Добржанский пытался и Ю. А. Филипченко передать свое отношение. Излагая 25 февраля 1929 г. свой взгляд на перспективы зоотехнических экспедиций и причины — многообразные — прохладного к ним отношения и других сотрудников лаборатории, он подытоживал: «Но в общем, поскольку только на то есть возможность, подалее от этого самого дела с зоотехнией».⁴⁷ На то, что многие сотрудники, в особенности дрозофилисты, без особого восторга относятся к зоотехнии, не раз жаловался и сам Ю. А. Филипченко.⁴⁸ В частности, сообщая о двух будущих экспедициях в Туркмению и Башкирию 3 февраля 1929 г., он сетовал: «Откуда я на это людей возьму — одному Аллаху известно, ибо все — с позволения сказать — рыло воротят от этих экспедиций».⁴⁹

Дрозофилистская ориентация Добржанского заставила его сначала отказаться и от весьма выгодного, с точки зрения Ю. А. Филипченко, предложения Н. И. Вавилова занять должность заведующего подотделом генетики в отделе зоотехнии Государственного института опытной агрономии (ГИОА), несмотря на все аргументы Ю. А. Филипченко в пользу принятия этого предложения.⁵⁰ На официальное письмо Н. И. Вавилова от 15 марта 1928 г.⁵¹ с очень выгодными условиями (немедленное зачисление в штат, высылка в США дополнительного вознаграждения за совмещение в размере 100 р. в месяц,клад по возвращении в 225 р.) Добржанский ответил 27 апреля кратким отказом, обосновав его тем, что начал заниматься исследованиями в области генетики дрозофилы и уже получил кое-какие результаты.⁵²

Таким образом, характер взаимоотношений Ф. Г. Добржанского с Ю. А. Филипченко и с лабораторией в целом свидетельствует о том, что Добржанский оставался полноправным и действительным членом научного коллектива и активно готовился к развертыванию исследований на дрозофиле по возвращении из командировки.

Первоначально его командировка проходила во всех отношениях успешно, без каких-либо существенных осложнений как в США, так и в СССР. Если воспользоваться литературным штампом, то Добржанский не просто с головой окунулся в работу, а буквально пропал в ней. В эти годы (да и в последующие)⁵³

научные исследования Добржанского напоминали нескончаемую, непрерывную гонку, которую ничто, казалось, не могло ни остановить, ни прервать, и единственной причиной которой было стремление сделать как можно больше. 31 августа 1928 г. Добржанский писал Ю. А. Филипченко: «Последнюю неделю занимаюсь писанием работы о величине клеток. ...В общем мучуюсь форменным образом, сижу с 9 утра до 10 вечера безвыходно совершенно и выжимаю из себя английские фразы, которые проверяю и перечеркиваю раз по пяти».⁵⁴ 14 сентября того же года он сообщает: «А мне в ближайшее время надо было бы работать очень усердно, так как мои транслокации требуют внимания, да и Ваг и Stubble и триплоиды — все готовы для работы». 22 декабря того же года: «В общем гоно и в хвост и в гриву...».⁵⁵ 10 января 1929 г. Добржанский, сообщая о своей работе по транслокациям, пишет: «Вообще последнее время, несмотря на неопределенность моего положения, работается как-то необычайно хорошо и приятно. И за этот месяц я сделал, пожалуй, больше, чем за три предыдущих, когда лаборатория была не налажена».

Темп работы не спадает, и 30 марта того же года он жалуется Ю. А. Филипченко: «Я же последнее время так „цитологизировал“, что переутомил глаза и последние стали сильно слезиться и немножко болеть».⁵⁸ Такое напряжение позволяет ему 25 апреля доложить патрону, как Добржанский иногда называл Ю. А. Филипченко в своих письмах: «Работу с транслокациями между третьей и четвертой хромосомами я окончательно закончил. Остается ее написать».⁵⁹ Закончена и работа с интерсексами. Но уже начата работа с транслокациями между второй и третьей хромосомами, и работа с геном Stubble.

Сообщая 25 января 1930 г. о том, что из-за работы с дрозофилой он не поедет летом в Вудс Холл, Добржанский писал: «Мы будем чуть ли не вдвоем во всем огромном здании Biological Department, так как остаются кроме нас только ботаники, работающие на ферме в 5 милях отсюда, да К. Belag, который, вероятно, будет жить на берегу океана, где имеется биол. станция, принадлежащая здешнему институту. Что выйдет из этого — не знаю, но Морган обещал нас обеспечить технической помощью в лице людей, моющих банки и приготовляющих пищу, так как без этого пришлось бы подохнуть».⁶⁰ Через месяц, 25 февраля, он повторяет: «На лето в сущности на меня оставляется все огромное здание лаборатории»,⁶¹ а в конце письма пишет о том, что работает много и непрерывно, кроме вечеров, но вечерами бывает Г. Д. Карпеченко.⁶² При чтении писем Добржанского не оставляет впечатление, что он был как бы приговорен к работе самим собою и всеми обстоятельствами.

Результаты этого напряженнейшего труда были настолько же весомы, насколько внушителен сам объем исследований, о чем, в частности, можно судить по приложенному Добржанским к письму Н. И. Вавилову от 23 марта 1931 г.⁶³ «Списку печатных работ (по 1 января 1931 года)». ⁶⁴ Из этого списка, включающего 57 работ (в том числе: I. Генетика — 23, II. Зоотехника — 3, III. Систематика, морфология, экология насекомых — 21, IV. Популярные работы, рефераты, мелкие заметки — 10), к работам, опубликованным в 1928—1931 гг., относятся: 10 работ по генетике, 2 по зоотехнии и 2 по систематике, морфологии и экологии насекомых. Таким образом, за это время Добржанский выполнил почти половину генетических работ, продолжив свое исследование плейотропного действия генов, составив несколько хромосомных карт для *D. melanogaster*, исследовав явление транслокации, генетические факторы и факторы среды, воздействующие на детерминацию пола у этого вида. Эти работы послужили как непосредственным вкладом в классическую генетику, так и своеобразным переходом к серии исследований генетических основ стерильности гибридов между *D. pseudoobscura* и *D. persimilis*, считавшихся тогда расами А и Б вида *D. pseudoobscura*. Некоторые из этих работ высоко оцениваются современными генетиками, в том числе учениками самого Добржанского.⁶⁵

Не менее высоко их оценил в свое время и Ю. А. Филипченко. Основываясь на

изложении в письме полученных Добржанским данных,⁶⁶ Ю. А. Филипченко рассматривал их как большое достижение: «Результаты, полученные Вами, в научном отношении чрезвычайно важны и интересны — Вы даже несколько уменьшаете их важность и интерес. Очень жалею, что наш № 3 „Известий“ идет через неделю—дней 10 в печать, а то я заставил бы Вас прислать о Вашей работе нам в этот № предварительное сообщение».⁶⁷ Изготовив «предварилку» по транслокациям (suttary этой «предварилки» на английском языке из 7 пунктов Добржанский послал Ю. А. Филипченко вместе с письмом от 25 февраля 1929 г.),⁶⁸ Добржанский отправил рукопись в немецкий журнал, о чем сообщил Ю. А. Филипченко 9 марта 1929 г. Эта «предварилка» Добржанского о транслокациях получила лестный отзыв Г. А. Левитского, о чем Ю. А. Филипченко поспешил известить Добржанского 1 сентября 1929 г.: «Между этими письмами произошла одна вещь, о которой мне приятно очень Вам сообщить. Буквально через час после отправки Вам предыдущего письма я получил письмо от Г. А. Левитского. Он прочел Вашу статью в *Biol. Zbl.* ...статья эта привела его в восторг («замечательная», как он пишет в письме), и он написал об ней подробный реферат, который переслал мне для сдачи в „Природу“, что, конечно уже сделано».⁷⁰ Получив, как было условлено, работу от Добржанского для «Известий»,⁷¹ Ю. А. Филипченко похвалил ее в письме от 22 января 1930 г.: «Работа Ваша представляет, я бы сказал, исключительный интерес и послужит украшением не только № 8, но и всего нашего журнала в целом. Большое спасибо, что Вы ее прислали!».⁷²

Находясь в командировке, Добржанский оказывал всяческую — в пределах своих не очень богатых возможностей — помощь лаборатории, советским генетикам, в частности тем из них, кто находился в США в то время. Так, 10 января 1929 г. он извещал Ю. А. Филипченко об уплате членских взносов за него в Genetic Association и Association for Advancement of Science.⁷³ 25 апреля 1929 г. он пишет, что готов оплатить все имеющиеся у Ю. А. Филипченко заграничные счета в пределах 100 долларов и покупку книг.⁷⁴ Ю. А. Филипченко намеревался воспользоваться, судя по письму от 16 ноября 1929 г., услугами Добржанского: «Если возвращаться Вы будете, имея долларов 50—100 лишние и до дома не нужных, напишите: я, может быть, попрошу Вас урегулировать в Берлине мои счета за книги, по которым у меня имеется долг, и с Вами сочтусь здесь».⁷⁵ Эту просьбу Ю. А. Филипченко повторяет 21 декабря того же года: «Не могли бы Вы подписаться при отъезде из Америки на Genetics на год, два, благо он не дорог? Это было бы очень важно. Затем, как я уже просил Вас, когда кончите дело в Берлине и выясните, сколько у Вас остается денег и т. п., если у Вас будет долларов 50—100 свободных (можно и меньше!), внесите их на мой счет *Wortraeger'u*».⁷⁶ 7 августа 1929 г. Добржанский сообщил Ю. А. Филипченко, что уплатил за него взнос в American Genetic Association за 2 года,⁷⁷ а в следующем письме от 10 августа спрашивал, не нужно ли сделать еще какие-либо взносы?⁷⁸ Предложения воспользоваться «банком» Добржанских исходили от Феодосия Григорьевича постоянно и в последующем.⁷⁹ Свою готовность помочь лаборатории Добржанский выражал и позднее.⁸⁰

Из более чем двух десятков основных тем, обсуждавшихся Добржанским и Ю. А. Филипченко в ходе переписки, основные, как это уже частично показано выше, так или иначе относились к развитию генетики, в особенности к развитию генетики на кафедре Ю. А. Филипченко. Сам по себе характер обсуждения этих тем — обстоятельный, подробнейший, с деталями и нюансами, интересными только для соратников (будь то лабораторные дела или дела экспедиционные, ситуация в университете или в Академии, исследования самого Добржанского или экспериментальные и теоретические работы Ю. А. Филипченко), свидетельствует как минимум о трех вещах. Во-первых, о том, что оба корреспондента жили одним большим делом, разделяя все трудности и радости его развития, и это дело было главным в их жизни, таким, без которого жизнь во многом теря-

ла для них свой смысл. Во-вторых, о том, что, и находясь за границей, Добржанский оставался основным помощником Ю. Д. Филипченко. В-третьих, о том, что все без исключения взаимоотношения Ю. А. Филипченко и Ф. Г. Добржанского, в том числе сугубо научные, носили глубоко личностную, дружескую окраску.⁸¹ Для Ю. А. Филипченко Добржанский был не просто коллегой, товарищем в науке, но и близким человеком, с которым делятся как многим из личной жизни в широком ее понимании, так и находятся в духовном родстве и общении.⁸² Для Добржанского же Ю. А. Филипченко был не только учителем, но и старшим другом, о чем он и сам писал Ю. А. Филипченко, в частности 25 января 1930 г.: «Скоро будет и Ваш юбилей. Могу лишь пожелать Вам, дорогой учитель и друг, чтобы судьба послала Вам радость в двух вещах — в Вашем сыне и в Вашей науке».⁸³

При таких отношениях между Ю. А. Филипченко и Ф. Г. Добржанским, при всем том, что известно о человеческих качествах обоих, об их поступках, точно и ярко характеризующих их нравственный облик, само предположение о том, что Добржанский был способен вести двойную игру, обманывая Ю. А. Филипченко и на самом деле не думая возвращаться (либо с самого начала, либо с какого-то момента своего пребывания в США), исключено. Американская журналистка Барбара Лэнд, используя воспоминания Добржанского, записанные ею в 1961 г., строит драматический сюжет своей книги о нем на том, что едва ли не с первых дней пребывания в Америке у Добржанского появилась мысль о том, чтобы остаться в США. Сначала эта мысль была произнесена вслух, потом обговаривалась между супругами и к концу 1929 г. превратилась уже в твердое решение. Такая трактовка, как ни странно это может показаться на первый взгляд, не противоречит, а дополняет версию данной статьи, поскольку сама Лэнд признает, что в момент отъезда из СССР у Добржанских и в голове не было подобной мысли.⁸⁴ Само решение действительно зрело постепенно и окончательно было принято лишь в условиях, которые, с точки зрения Добржанского, сделали его возвращение невозможным. В пользу такой интерпретации свидетельствует и сам факт переписки Добржанского с Н. И. Вавиловым уже после смерти Ю. А. Филипченко 19 мая 1930 г. Если бы Добржанский принял решение вообще не возвращаться, то вести такую переписку не было бы никакого смысла. Репутацию Добржанского она поправить уже не могла, да и сама репутация, если подобное решение принято, не имела никакого значения. Смысл переписка имела лишь в одном случае, точно охарактеризованном самим Добржанским в письме к Ю. А. Филипченко от 21 марта 1930 г.: «Знаете, бывает, что люди хватаются за соломинку и таковая оказывается достаточно прочной. В данном случае оказалось не так, но как же было это предвидеть?»⁸⁵

Решение Добржанского не было простым не только в моральном или психологическом плане, но и в том отношении, что ему предшествовали очень непростое переплетение, взаимосвязь целого ряда причин и обстоятельств. И первое из этих обстоятельств было непосредственно связано с Ю. А. Филипченко, а оно уже потянуло за собой и всю остальную цепочку взаимосвязей и взаимобусловленностей.

Командировка Добржанского была рассчитана ровно на год. 27 декабря 1927 г. Добржанский ступил в Нью-Йоркском порту на американскую землю и 27 декабря следующего года должен был покинуть ее. Но, посылая его в Соединенные Штаты, Ю. А. Филипченко рассчитывал, что Добржанскому удастся пролить свое пребывание там на достаточно длительное время. В связи с этим уже 1 апреля 1928 г. Ю. А. Филипченко спрашивал Добржанского, пробудет ли он в США до января 1929 г. или до января 1930 г.,⁸⁶ а 9 мая 1928 г. заявил, что будет рад, если Добржанский останется у Моргана еще на год. Получив письмо Добржанского от 3—5 мая с известием о согласии Моргана оставить Добржанского еще на год, Ю. А. Филипченко 29 мая писал: «В последнем я не то, чтобы не был уверен, нет, для меня было ясно, что с Морганом у Вас завязались самые

лучшие отношения, но все же я сомневался, не встретятся ли какие-нибудь препятствия формального свойства. Раз ничего этого нет и дело так просто, могу только от души поздравить Вас с тем, что лучший период Вашей жизни удлинится тем самым вдвое».⁸⁷ 19 июня Ю. А. Филипченко подтвердил, что решительно ничего не имеет против лишнего года пребывания Добржанского в Америке.⁸⁸

Более того, получив письмо Н. Добржанской от 26 августа 1928 г., в котором она сообщала о том, что Морган предложил ей заведовать культурами дрозофилы,⁸⁹ Ю. А. Филипченко 16 сентября 1928 г., поздравив Наталью Петровну «с неожиданным, хотя и заслуженным успехом — получением платной работы у Моргана», прямо советовал Добржанскому: «Теперь, Феодосии Григорьевич, я жду, что Морган предложит и Вам по окончании стипендии от Board (а не то и еще раньше) занять у него штатное место в новом институте. Если Вам угодно знать заранее мое мнение по этому вопросу, я очень бы посоветовал Вам принять такое предложение, если только оно последует. Не подумайте, что я хотел бы посоветовать Вам остаться в Америке совсем, т. е. эмигрировать. Этого отнюдь не следует, но Вы ведь еще так молоды (28 лет — это возраст, в котором почти что еще секут!), что Вам полезно продлить свое пребывание за границей, елико возможно дольше. Пробудьте в Калифорнии года 2—3 и возвращайтесь затем к нам окруженным ореолом крупного генетика на подобающее для Вас (к этому времени — теперь рано!) место. Поверьте, от этого Вы только сильнее и самым образом выиграете, ибо у нас здесь — Вы понимаете сами — условия для работы, так сказать, для научного роста раз в 10 неблагоприятнее, чем в том генетическом и общежитейском раю, куда Вы теперь попадете».⁹⁰

В этом же письме есть и такой, точно и емко выражающий позицию Ю. А. Филипченко абзац: «Быть может, если Вы застрянете в Америке, то в 1932 году после съезда в Итаке мы посетим все эти места вместе с Вами и Вы будете моим чичероне. Хорошо было бы...».⁹¹ Извещая патрона 3 октября 1929 г. о том, что Морган вновь написал и отослав в Board аппликацию на Добржанского (первое ходатайство Моргана не дошло), Феодосии Григорьевич так оценивал возможности последовать совету Ю. А. Филипченко: «...максимум на что можно рассчитывать, это на 2—3 месяца 1930 года — чтобы выехать не зимою, не больше! Таким образом, осенью 1929 или весной 1930 г. я рассчитываю предстать перед Вами ясны очи, причем первое вероятнее, чем второе».⁹²

Как бы то ни было, 14 октября Ю. А. Филипченко просит Добржанского прислать официальное заявление о продлении командировки⁹³ еще на год. 2 ноября вместе с письмом Добржанский посылает соответствующие заявления в президиум КЕПС и в правление Ленинградского университета о продлении командировки на год без оплаты ввиду предложения Т. Г. Моргана продолжить работы в его лаборатории в 1929 г.⁹⁴ 16 ноября Ю. А. Филипченко сообщает Добржанскому, что пишет Моргану письмо, в котором выражает согласие с тем, чтобы пребывание Добржанского у Моргана продлилось как можно дольше и вновь повторяет Добржанскому: «Мой совет — оставайтесь как возможно дольше: нигде и никогда не будете жить и работать так хорошо! Впрочем, Вам самому виднее».⁹⁵ В этом же письме Ю. А. Филипченко извещал, что «продолжение командировки по Академии уже устроено, по университету еще не прошло всех формальных инстанций, но я получил уже принципиальное согласие ректора».⁹⁶ Итак, осенью 1928 г. Ю. А. Филипченко был стороной уговаривающей, а Добржанский — уговариваемой, причем настроенной весьма скептически относительно перспектив продления срока пребывания.

Совет Ю. А. Филипченко оставаться как можно дольше оказался решающим для судьбы Феодосии Григорьевича. Если бы не этот совет, подталкивавший Добржанского к попыткам продлить пребывание в Америке, закончившимся относительным успехом, Феодосии Григорьевич благополучно вернулся бы в январе 1929 г. и его судьба сложилась бы совсем иначе, правда, скорее всего неблагополучно. Определенный шанс вернуться еще оставался у Добржанского

и в 1929 г., но его желание успеть сделать как можно больше, подкрепляемое продолжавшимися советами Ю. А. Филипченко,⁹⁷ привели к тому, что он принял предложение Моргана стать с 1 августа 1929 г. assistant professor, после чего этот шанс неуклонно уменьшался, поскольку положение Добржанского (в том числе и непосредственно в результате принятия этого предложения) становилось все сложнее как в СССР, так и в США

Срок пребывания Добржанского в США уже истек, а из Board все не было ответа, о чем Добржанский сообщил 10 января 1929 г.⁹⁸ К удивлению всех сотрудников лаборатории Моргана, уверенных в положительном ответе, и самого Добржанского из Board, наконец, пришел отказ, о чем Добржанский известил Ю. А. Филипченко 16 января 1929 г." Это означало, что если Добржанскому продлят визу, «то в июне раньше или позднее в зависимости от времени переезда в Woods Hole, мы тронемся домой. Если визу не отсрочат, то, может сдаться, что уезжать придется очень скоро, и тогда будет плохо. В общем, все это, конечно, довольно таки паршиво. Во всяком случае сейчас ясно, что мы с Вами скоро увидимся! Я нарочно пишу обо всем этом так кратко, потому что мне это здорово надоело».¹⁰⁰ Получив это известие, Ю. А. Филипченко 10 февраля выразил свое сожаление, что Добржанский не сможет остаться подольше. Но еще через несколько дней, 21 января, Добржанский смог написать: «Сегодня мы получили отсрочку визы. Мы имеем право пребыть в этой стране не более чем до 27.VI», и добавить, что из-за денег «мы решили этот день объявить предельным сроком для отъезда».¹⁰²

Главные сложности с визой были, однако, впереди. 10 марта 1929 г. Ю. А. Филипченко, завершая письмо, написал, что рад возвращению Добржанского в августе, так как «если возвращаться, то уже пора, чтобы не отвыкнуть, а если задерживаться, то уже не на несколько месяцев, а года на 3, что, видимо, Вам не по душе».¹⁰³ И Добржанский собирается возвращаться. 16 апреля он пишет: «Как бы то ни было, если не произойдет каких-либо неожиданностей, решили ехать в Woods Hole, а оттуда через Нью-Йорк и Европу домой».¹⁰⁴ 9 июня он сообщает из Нью-Йорка, что остановился в том же самом отеле, что и по приезде в США полтора года назад,¹⁰⁵ что надеется побывать в Board и поговорить там по душам.¹⁰⁶

Однако, получив от Моргана предложение занять временно должность assistant professor в Калифорнийском технологическом институте, Добржанский дал свое согласие, о чем сообщил Ю. А. Филипченко 7 августа, подчеркнув, что не знает, будет ли он через два месяца в США или в Ленинграде?¹⁰⁷ Через 3 дня, 10 августа, он пишет снова, что или скоро будет на 10-летию лаборатории, или задержится, но первое — вероятнее.¹⁰⁸ Характерно, что в этом же письме Добржанский специально затрагивает вопрос о верном тоне в отношениях по приезде между ним и Ю. А. Филипченко, в том числе о существовании у Добржанского своей линии во всем.¹⁰⁹

Сложность положения, в котором оказался Добржанский, приняв предложение Моргана, состояла в том, что, согласно американским иммиграционным законам, он не мог в таком качестве оставаться в США. В американском консульстве в Риге (тогда США еще не поддерживали отношений с СССР и ближайшее американское консульство находилось в столице Латвии) сотрудник, оформлявший документы, выдал Добржанскому студенческую визу, а Добржанский, не зная американских законов, не придавал этому никакого значения.¹¹⁰ Иностранец с такой визой официально считался именно студентом, а не преподавателем. Для того чтобы работать преподавателем на законных основаниях, он должен был получить другую визу, как non-quota professor, а этого в свою очередь можно было добиться только имея двухлетний преподавательский стаж непосредственно перед обращением за такой визой.¹¹¹ Добржанский же был уже более года «студентом», и теперь, чтобы получить соответствующую визу, ему нужно было опять набрать двухгодичный педагогический стаж либо находясь

вне пределов США на законном основании, либо в США, находясь на полузаконном.

Эта ситуация была временно разрешена тем, что Добржанский все же с помощью Моргана стал преподавателем и одновременно подал прошение о продлении студенческой визы, обосновывая это тем, что он изучает дрозофилу как студент. 27 июня 1929 г. он получает последний чек от Рокфеллеровского фонда с напоминанием, что должен покинуть США как можно скорее.¹¹³ В сентябре у него все еще не было визы, о чем он сообщил Ю. А. Филипченко 16 и 19 числа.¹¹⁴ Наконец, Добржанский 30 сентября может написать Ю. А. Филипченко, что визу продлили только ему одному, а жене нет. Положение было не из приятных: «Если бы Вы знали, сколько нервов потрепано у нас обоих за эти два месяца неопределенности! Под конец я уже жалел о том, что с самого начала согласился на предложение Моргана. ...В общем — мрачная история; эти два месяца останутся самой мрачной страницей в истории нашего пребывания в Америке». В случае отказа Добржанский готов был тут же отправиться домой: «Мы провели в Нью-Йорке около недели. В качестве курьеза можно отметить, что мы уже успели получить согласие на предоставление нам немецкой визы и сделать предварительную заявку на пароходный билет. И вот когда, таким образом, все уже было готово к отъезду домой, получила телеграмма, известящая о том, что дана американская виза!».¹¹⁶

Но едва наладились дела в США, как резко ухудшилось положение в СССР и в отличие от США уже бесповоротно. Первоначально Ю. А. Филипченко добивается продления командировки Добржанского до 15 ноября 1929 г., о чем сообщает 7 апреля 1929 г.¹¹⁷ Узнав о том, что с 1 августа Добржанский стал преподавателем, Ю. А. Филипченко в своем письме от 30 августа подробно останавливается на негативных и позитивных моментах этого решения и указывает на необходимость официальных заявлений от Добржанского в связи с этим.¹¹⁸ 14 сентября Добржанский посылает на имя Ю. А. Филипченко официальное письмо с просьбой получить разрешение остаться еще на один год в Америке, будучи научным сотрудником АН СССР и старшим ассистентом Ленинградского университета.¹¹⁹ Во втором письме за это же число, носящем форму отчета, Добржанский сообщает, что заканчивает работу по интересексуальности у дрозофилы для «Известий Бюро по генетике КЕПС» и перечисляет 5 уже опубликованных им за период пребывания в США работ.¹²⁰ Поскольку в письме Ю. А. Филипченко были высказаны определенные претензии к Добржанскому, он вынужден объясняться 16 сентября: «По существу объяснить много не приходится. Вы сами советовали поработать тут подольше и подучиться побольше. И, конечно, всякому ясно, что надо быть круглым идиотом, чтоб этой возможностью не захотеть воспользоваться. И если бы я так сделал, то это было бы явно не в интересах ни СССР, ни тех учреждений в ней, где я работаю, ни, наконец, в моих собственных. Все это ясно и определено. Это не мешает мне понимать, что найдутся сплетники, которые станут говорить, что я вообще не собираюсь возвращаться, и что эти сплетни могут наделать хлопот Вам и мне и могут создать далеко не приятную ситуацию в лаборатории. Понимая все это, я настоящим прошу Вас передать при случае всем, кому то может быть интересно, что подобные сплетни ни на чем не основаны, что изменять своей родине я не собираюсь и что ничем до сих пор я не давал основания думать обо мне подобным образом».¹²¹

Ю. А. Филипченко надеется на продление командировки, несмотря на все негативные моменты, высказываясь за пребывание Добржанского в США: «Вообще же я чрезвычайно сочувствую тому, чтобы Вы остались в Америке еще на год-два: больше-то пожалуй будет много, а меньше чем на год не стоит поднимать этого дела. ...Не думайте, что это будет очень легко, но я постараюсь устроить это дело и буду очень рад за Вас, что Вы останетесь в Америке для покойной работы, которая в здешних условиях протекает, конечно, далеко не так».¹²²

1 сентября он, сообщая о лестном отзыве Левитского на статью Добржанского, особо указывает на положительное значение отзыва для продления командировки,¹²³ а в письме от 20 октября 1929 г. радуется, что Добржанскому наконец-то продлили визу и выражает уверенность, что Добржанские оба вернутся вместе в октябре будущего года.¹²⁴

Но уже 28 октября Ю. А. Филипченко вынужден сообщить, что Президиум Академии наук не хочет ходатайствовать о продлении командировки Добржанскому перед отделом научных учреждений при Совнаркомом и предлагает КЕПС вызвать Добржанского.¹²⁵ По мнению Ю. А. Филипченко, все хлопоты в этой ситуации приведут к тому, что в лучшем случае оставят на месяцы, но не на год и, следовательно, возвращаться надо весной или летом. Сообщая 16 ноября 1929 г. о телеграмме с ходатайством о продлении командировки Добржанскому до 1 апреля, Ю. А. Филипченко советует Добржанскому строить все так, чтобы закончить все работы к 1 марта.¹²⁶

Получив это письмо, Добржанский писал в ответ: «Я получил уже несколько дней назад Ваше письмо с извещением о том, что я должен приехать к апрелю. Не отвечал Вам именно потому, что это известие, конечно, выбило меня из колеи. Это разрушает все планы работы, составленные до сих пор, и притом работы уже начатой и, как увидите дальше, не без успеха. Вопрос тут, конечно, всего в 4-х месяцах, но эти месяцы для меня страшно важны, так как я рассчитал имеющееся у меня время с точностью чуть ли не до дня. Теперь же придется, пожалуй, погубить начатое, так как количество культур, в которых ведутся опыты, конечно, так велико, что об его перевозке нечего и думать. Словом, могу просить только об одном — если возможно что-либо сделать, чтобы отменить это решение, которое не столь неприятно для меня лично, сколько губительно для работы, то сделайте. Я не знаю, кто от этого получит какую-нибудь пользу. Вам ясно, как и мне, что таковых людей не найдется — все получают один вред. Неужели этого не понимают в академии. Само собой разумеется, что если это нужно, то я сделаю, что от меня требуют, но, быть может, все же удастся убедить публику в том, что она требует хотя и не невозможного, но весьма вредного».¹²⁷

Ходатайство Филипченко увенчалось успехом, и 1 декабря 1929 г. он с гордостью сообщил Добржанскому о разрешении ОНУ при СНК оставаться в США до 1 апреля, подчеркнув, что необходимо явиться к сроку, иначе могут быть неприятности, и что вопрос о возвращении решен окончательно.¹²⁸ Но Добржанский считал такое требование невыполнимым, о чем и написал 9 декабря 1929 г.: «Дела мои идут по-прежнему. Работаю самым интенсивным образом; но ясно, что до марта мне не справиться с имеющимся в наличии материалом. Кроме того, ведь мне надо читать курс — нельзя же, чтобы мне зря оплатили жалованье всю зиму, а весной я уеду. В общем после долгих и мучительных размышлений я пришел к выводу, что к апрелю я быть не могу. Это принимая во внимание все то, что Вы писали в Ваших последних двух письмах, из коих последнее я получил сегодня. Вы понимаете — это зрелое решение и поменять его я не могу. Отсюда надо сделать все выводы — очевидно, мне придется просить об отставке. Когда это удобнее сделать, Вам виднее. Если нужно для этого заявление с моей стороны — я его напишу. ...Я вполне понимаю впечатление, какое на Вас произведет эти строки, но иначе, по-видимому, мне поступить невозможно. Вам пишет об этом и Морган — его письмо написано, конечно, с моего ведома».¹²⁹

В ответ на просьбу Ю. А. Филипченко подтвердить свое решение телеграммой, Добржанский дал такую телеграмму: «Остаюсь. Добржанский».¹³⁰ Пока речь шла только о том, что Добржанский не может вернуться к сроку. Об этом свидетельствует и содержание письма Моргана от 10 декабря 1929 г., в котором он предлагает прислать в лабораторию Филипченко на время отсутствия Добржанского кого-нибудь ему на замену.¹³¹

В создавшейся ситуации Добржанский обращается к Н. И. Вавилову. В принципе одобрив это обращение, Ю. А. Филипченко настаивал на том, что

все равно надо решать и решать окончательно, т. е. возвращаться к 1 апреля.¹³² Добржанский же в это время все еще надеялся на свое обращение к Вавилову.¹³³ Надеялся он еще и получив письмо Ю. А. Филипченко от 22 января 1930 г., о чем писал 25 января: «Дружеский, или по меньшей мере благожелательный тон письма Николая Ивановича заставляет меня еще раз прибегнуть к попытке просить его принять участие в моем деле. Я пишу и ему одновременно с этим. Это, конечно, последний шанс. ...Мне кажется, что я прошу не о невозможном. Прецедент создан Тимофеевым-Ресовским, он дольше моего пользуется отпуском. Словом, у меня все еще есть надежда. Знаю, что это трудно, но пока у меня есть хотя нить надежды, я не хочу терять эту нить».¹³⁴

Именно в этом письме Добржанским были написаны следующие строки: «Вообще сейчас у меня полным ходом развилась та самая тоска по родине, которая делает с людьми всякие штуки. Вот тут все так хорошо по внешности, сейчас самое лучшее в Пасадине время приходит, живешь и работаешь среди прекрасных людей — не могу пожаловаться на отношение кого бы то ни было из них, а все-таки тянет на родину. Это может показаться странным, после того что написано в начале письма, но это так. И если только Вавилов сделает то, о чем я прошу, то уже ничто меня не остановит, никакие преимущества здесь и никакие недостатки там. Знаете, за эти два года я узнал Америку хорошо. Пропали первые восторги, прошли и последовавшие возмущения отрицательными сторонами здешней жизни. Установилось отношение спокойное — страна хорошая, очень хорошая, гораздо лучше, чем у нас ее представляют, но чужая. Этим последним словом все сказано, все исчерпано до самого дна. И этого не исправишь никогда, так как генотип ли тут замешан или что-либо другое — не знаю, но нечто настолько важное, что ничем его не вырубешь».

Но Вавилов не выполнил, да и не мог выполнить просьбу Добржанского, ибо невыполнимы были как раз те два условия, на которых настаивал Добржанский. Во-первых, для него не было работы: «В Академии наук у меня нет никакой генетической и географической секции. Единственно, что я затеял, это „бюро по истории мировой агрокультуры“, имея в виду издание библиотеки классиков земледелия etc.

В Институте прикладной ботаники имеется секция географических опытов, которая свертывается, переходя на географическую генетику (изучение абиссинских пшениц и т. п.)».¹³⁶ Во-вторых, Вавилов, как и предупреждал Добржанского Ю. А. Филипченко, не мог продлить командировку: «Вы пробыли более двух лет. Все, что можно изъять, вы сделали. Возвращайтесь. ...Ходатайство о дальнейшем продлении тактически неудобно».

Получив этот ответ Вавилова, Добржанский пишет свое предпоследнее письмо Ю. А. Филипченко 5 марта 1930 г., прилагая к нему заявление в правление Ленинградского университета и в правление АН СССР с просьбой освободить от занимаемых должностей ввиду невозможности прибыть к установленному сроку из-за работы в лаборатории Т. Г. Моргана. Ю. А. Филипченко 31 марта подтвердил, что получил заявления Добржанского, но не подавал их.¹³⁹ В последнем письме Ю. А. Филипченко от 18 апреля 1930 г. для Добржанского опять сверкнул луч надежды: Филипченко просил серьезно отнестись к предложению о месте в Тимирязевской академии, которое привезет в Штаты А. Р. Жебрак.¹⁴⁰ Смерть Ю. А. Филипченко, о которой Добржанский узнал из телеграммы Н. И. Вавилова от 22 мая 1930 г., еще более осложнила положение Добржанского: умер его главный ходатай.

Однако и после этого удара Добржанский не оставил попыток вернуться в СССР. Осенью того же года Н. И. Вавилов, возвращаясь из путешествия в Перуанские Анды, посещает Соединенные Штаты, где встречается с Добржанским и Г. Д. Карпеченко. По просьбе Карпеченко Добржанский увозит неутомимого Вавилова на знакомство с Национальным парком секвой и сельским хозяйством в долине Сан Джоакин. Во время этой почти недельной поездки Добржанский

и Вавилов «говорили пока не охрипнут обо всем — о их научной, личной, социальной и политической философиях. В особенности много они говорили о решении Добржанского остаться в Соединенных Штатах».¹⁴¹ Вавилов уговаривал Добржанского вернуться домой, заверяя, что ему ничего не грозит.

После этой встречи, получив письмо Вавилова от 29 января 1931 г., вызванное обращением Добржанского к академику Волгину, Непременному секретарю Академии, с просьбой о продлении командировки, Добржанский сообщил, что более месяца назад послал официальное заявление о предоставлении должности ученого секретаря Генетической лаборатории и заявление в Сельскохозяйственную академию им. В. И. Ленина.¹⁴² Проблема с точки зрения Добржанского состояла в том, что советское консульство в Берлине, куда Добржанский послал соответствующий запрос, «вероятно, вообще откажется продлить наши паспорта за отсутствием документов», либо за продление «пожелает, вероятно, получить по тарифу для некомандированных. На два паспорта за 2½ года это может выйти заметно больше 1000 рублей. Таких денег у меня, конечно, не найдется».¹⁴³ Добржанский настаивал на том, что продление командировки — главный вопрос, в который упирается все остальное, так как «если будет продление командировки, тогда вопрос с паспортами решится легко и просто».

В свою очередь Вавилов в письме от 21 февраля 1931 г. настаивал на противоположном: самое существенное для Добржанского — подать заявление в Полпредство об оформлении выезда.¹⁴⁵ В ответном письме Добржанский сообщает, что ответа из Берлина на запрос пока нет, что его сильно беспокоит отсутствие упоминания о продлении командировки, а также обсуждает программу работ Генетической лаборатории и спрашивает о своих обязанностях по Институту животноводства Ленинской академии.¹⁴⁶ К этому письму Добржанский и прилагал краткую автобиографию и список печатных работ.¹⁴⁷ 12 мая 1931 г. Добржанский сообщил, что выполнил условия Вавилова: послал, после получения ответа на свой запрос, паспорта и заявление (копию которого приложил к письму Вавилова). В этом же письме Добржанский снова спрашивал Вавилова о характере своей работы.¹⁴⁸

Ответы на свои вопросы Добржанский получил в трех июньских письмах Вавилова, написанных одно за другим: 9, 11 и 12-го числа. Оба первых письма он начинает, твердо настаивая на том, что никакого продления командировки не нужно, а нужно продлить паспорт и вернуться. Причем в письме от 11 июня Вавилов второй раз возвращается к утверждению о ненужности продления командировки в категоричной форме: «Вам нужно кончить волюнку на счет своих командировок». Из всех трех писем следовало, что работа найдется, но только после возвращения в СССР. Николай Иванович специально подчеркивал эту мысль во втором письме от 11 июня 1931 г.: «Таким образом, пока что можно предложить Вам место в Академии наук, но оно будет реально только тогда, когда Вы появитесь в СССР. Говорить с кем-то о том, чтобы Вам обеспечили место, повторяю, сейчас неудобно, ибо это начинает вызывать вопросы, почему и как».¹⁵⁰ Последнее письмо Вавилова от 12 июня содержало приглашение Добржанского на работу: Вавилов от лица Непременного секретаря Академии наук академика Волгина и своего как директора Генетической лаборатории предлагал «занять должность ученого специалиста в составе Генетической лаборатории Академии наук».¹⁵¹

Однако Добржанский отказался и от этого, казалось бы, более чем подходящего предложения Вавилова: «К грусти вижу, что и на этот раз дело не вышло. ...При всем моем уважении к Вам лично, при всем моем искреннем желании работать в Академии наук, а не здесь (знаю, что в искренности этого желания многие сомневаются, но это их дело — я говорю, что думаю), вижу, что из этого ничего не выйдет».¹⁵² Почему отказался Добржанский?

Общее изменение политической атмосферы в стране уже достигло той точки, когда никто не мог оставаться вне политики, вне этого изменения, поскольку не только его рабочая сила, но и его мысли, все его поступки становились собствен-

ностью сталинского государства, и предписанные нормы поведения, вплоть до употребления ряда словесных оборотов, были чуть ли не абсолютно обязательными. И характер этого общего изменения, и характер предписаний, затрагивавших саму суть научного творчества, и то, что таковые предписания придется безусловно выполнять и Добржанскому, — все это со всей очевидностью следовало из уже названных писем Вавилова. От науки, а следовательно, и от каждого научного работника, в том числе и от Добржанского, если бы он вернулся, теперь требовалось выполнение двух заповедей сталинизма: 1) научные исследования должны быть приближены к практике и 2) они должны строиться только на диалектической методологии. Смена общего «стиля» заметна даже по различию в тоне и стиле писем Вавилова, разделенных каким-то полугодом. 2 февраля 1930 г. чистая теория еще допускается: «Работать здесь можно и с *Drosophila*, и с чем угодно! Во всяком случае, условия научной работы все время улучшаются. Дела сколько угодно. В генетиках большая нужда. Даже в Ленинской академии допустима чисто теоретическая работа. Во всяком случае от генетиков в Ленин. Академии мы прежде всего ждем методологических работ, искания путей».¹⁵³ То, как понимал в тот момент методологию Вавилов и как ее должен был понимать Добржанский, следует из статьи Вавилова о задачах Ленинской академии, которую он тогда же выслал Добржанскому.

В 1931 г. методология была уже другая. Стиль писем 1931 г. настолько разительно отличается от стиля предыдущих, что кажется, будто они написаны другим человеком: «Конечно, надо подковаться диалектикой. Дело это совершенно нетрудное для Вас и, кроме пользы, ничего от этого не будет. ...Появляется ряд ценных статей в журнале „Под знаменем марксизма“, „Естествознание и марксизм“, — все это Вам надо знать, тогда будете вооружены с ног до головы. От механистических идей надо Вам отойти, если таковые у Вас сугубо внедрились. ...Особо ждем от Вас „Генетику животных“». Пишите курс классический, но только чтобы не было тенденций, целеустремленности, механицизма, идеалистической тенденции, грубого материализма. Одним словом, пишите курс диалектически».¹⁵⁴ В письме от 11 июня Вавилов, уведомляя Добржанского, что придется подрабатывать писанием, замечал, что это не беда, так как «единственное, что нужно, — учесть критическое отношение сейчас к каждой книжке, усиленную борьбу с витализмом, баталии с механистами».¹⁵⁵

При такой методологии значение теории понималось уже иначе: «Дела развертываются невзирая ни на какие трудности, наука нужна, но наука, обращенная к практическим запросам; это совершенно определенно, и, ставя теоретические вопросы, которыми никто не возбраняет заниматься, надо все-таки горизонты практические учитывать. Психология советской страны, конечно, совершенно особая, и это становится каждому из нас, сколько-нибудь участвующему в жизни страны, совершенно ясно. Замкнуться в науку нельзя. ... Во всяком случае вся страна строится и нет никаких сомнений в том, что через 3—5 лет страну никто из нас не узнает, и поэтому от самых высоких теоретиков все-таки ждут помощи. Диалектическая методология — это только плюс, который позволяет не быть оторванным от запросов жизни».¹⁵⁶

Из писем Вавилова видно, что и общее отношение к Добржанскому было уже настороженное. Еще будучи первый раз проездом в США 1 января 1930 г., Вавилов писал: «Надо поспешить оформиться. Я, как говорил, думаю, что ни черта серьезного за Вами нет. Командировка Ваша безденежная и за Ваше отсутствие дело не стало».¹⁵⁷ Та же тема отсутствия вины за Добржанским сохраняется и в последующих письмах, в том числе в письме от 9 июня 1931 г.: «Особых проступков за Вами нет и все Вас ждут»,¹⁵⁸ и от 11 июня: «Приезжайте и больше никаких. Не стоит своей персоной утруждать людей, концентрируя на себе большое внимание. Ваша командировка бесплатная, обязательств тем самым никаких нет, сидел за границей и работал, печатал работы в Союзе, сделал много хороших работ, ну и ладно. Преступления нет».¹⁵⁹ В последнем Вавилов,

однако, ошибался. Добржанский хорошо понимал, что его задержка в США уже может рассматриваться как преступление, к тому же караемое смертной казнью.

По письмам Ю. А. Филипченко можно проследить быстрое нарастание трудностей в научной и преподавательской деятельности, вызванных становлением сталинской бюрократической системы, поражением ею, как раковой опухоли, всего общественного организма.

Находясь официально в научной командировке, Добржанский должен был получать зарплату, в том числе предполагалось, что вся она или часть ее будет пересылаться валютой в США для трат на изучение американских генетических центров. Но практически с самого начала в пересылке валюты было отказано.¹⁶¹ Все последующие хлопоты Ю. А. Филипченко не увенчались успехом.¹⁶² Поэтому Филипченко с согласия Добржанского получал его жалованье в советских деньгах и часть клал в банк, часть тратил на оплату квартиры, чтобы сохранить ее за Добржанским, а часть на экспедиционные дела. Денег на экспедиции не хватало, и Ю. А. Филипченко постоянно находился в поисках источника их финансирования, часто добываемого в административных сражениях.¹⁶³ Но и тогда, когда такой источник находился, как в случае с В. Чаиновым, получить их оказывалось непросто.¹⁶⁴

Ограничение свободы научной деятельности проявилось и в таком важнейшем пункте, как ограничение свободы информации. Проводилась эта компания, разумеется, под флагом экономии средств, в первую очередь валюты, и совершенствования управления наукой. Уже в письме от 22 мая 1928 г.¹⁶⁵ Ю. А. Филипченко сообщает Добржанскому о валютных ограничениях на книги. Через год, 18 января,¹⁶⁶ Ю. А. Филипченко просит Добржанского заплатить за книги Бортрейгеру, книготорговцу в Берлине, так как с приобретением книг за рубежом стало еще хуже. Эту просьбу он повторяет 16 ноября 1929 г.,¹⁶⁷ а 21 декабря пишет о введении новых ограничений на закупку книг за границей — на те же 10 р., но только через Центральную комиссию по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ).¹⁶⁸

Ограничение финансовой свободы сопровождалось ограничением должностной свободы, происходившем в ходе университетской и академической реформ, в частности приема молодых специалистов из числа аспирантов и студентов, замещения должностей, ограничением прав в хозяйственной деятельности заведующего кафедрой. 12 февраля 1928 г. Ю. А. Филипченко сообщает Добржанскому о бюрократических трудностях с замещением в университете.¹⁶⁹ 13 марта — о том, что раздобыть нужную бумагу в Академии — большой труд,¹⁷¹ а 15 марта — о том, что вообще налицо тенденция «сокращать места».

В письмах 1929—1930 гг. Ю. А. Филипченко регулярно извещает Добржанского о проведении реформ в Академии и в университете и их последствиях. Например, 3 февраля 1929 г. он пишет, что в Академии идет пересмотр старых устоев,¹⁷² а в университете «шумят витии».¹⁷³ 10 марта сообщает об особенностях реформы в университете — производственном уклоне¹⁷⁴ и ходе реформы в Академии наук, а 26 марта¹⁷⁵ — о переходе в университете к производственной практике, замечая, что появятся, вероятно, и новые лозунги. 28 апреля он снова пишет об университетской реформе, в том числе и о работе для Добржанского.¹⁷⁶ 16 ноября он извещает о переменах в целом за два года.¹⁷⁷ Причем Ю. А. Филипченко не оставляет Добржанскому никаких сомнений: придется привыкать и приспосабливаться. 1 декабря он сообщает о введении пятидневки в университете, а 21 января уже 1930 г. опять пишет о реформе в университете.¹⁷⁸ По этому письму Добржанский мог ясно представить себе характер и смысл реформы: Ю. А. Филипченко в итоге принял решение оставить кафедру. 14 февраля Ю. А. Филипченко пишет о запустении в университете как следствии реформы.¹⁷⁹ 31 марта он еще раз возвращается к теме своего ухода с кафедры,¹⁸⁰ а 18 апреля извещает о закрытии КЕПСа.¹⁸¹ Сделать соответствующие выводы Добржанскому было нетрудно.

Особо следует сказать о так называемой пролетаризации. Приведем несколько цитат, достаточно точно отражающих смысл пролетаризации. 24 мая 1929 г., выступая на 5-м съезде Советов СССР, М. Н. Покровский заявлял: «Пролетариат берет теперь в свои руки деревенское хозяйство, начинает строить его по социалистическому и, конечно, выстроит. Но он должен обратить внимание и на это отражение нашего*деревенского хозяйства в высоких сферах, которое проявляется в нашем рассыпном фронте, в научно-исследовательской работе. Пролетариат и это должен взять в свои руки. ... Наука должна быть в руках у пролетариата, для этого у пролетариата есть все данные, есть даже свой молодежь, из которого можно подготовить ученых. В настоящем году вузы кончают 4 тыс. рабфаковцев, и нет никакого сомнения, что из них можно подобрать несколько сотен будущих научных исследователей. Пролетариат имеет все данные, чтобы забрать науку в свои руки, он должен забрать, ибо без нее он не произведет социальной революции, не осуществит социалистического хозяйства...». ¹⁸² 21 февраля 1931 г. было принято Постановление Совнаркома РСФСР «О состоянии научно-исследовательского дела в РСФСР», в котором, в частности, говорилось: «б. Предложить всем ведомствам, в ведении которых состоят научно-исследовательские учреждения, усилить непосредственное идеологическое руководство научно-исследовательскими учреждениями и провести необходимые мероприятия по улучшению их работы; в частности: ... б) более решительно выдвигать на руководящую работу в научно-исследовательские учреждения молодые кадры научных работников, поставив задачей орабочивание состава научно-исследовательских учреждений и борьбу с классово идеологически чуждыми элементами среди сотрудников научных учреждений».

О том, чем обернулась «пролетаризация» на деле для учеников Ю. А. Филипченко и его самого, можно видеть на одном из примеров. Очень способную студентку Н. Я. Федорову на «выборах» в аспиранты завалили студенты из-за того, что она якобы религиозна, несмотря на все усилия Ю. А. Филипченко. ¹⁸⁴ Под вопросом оказалась работа и судьба Ю. Я. Керкиса как лица непролетарского происхождения. ¹⁸⁵ Потенциальная угроза нависла и над некоторыми другими. Да и сам Ю. А. Филипченко не был пролетарием: он родился в селе Злынь Орловской губернии в семье ученого агронома. ¹⁸⁶

Вероятно, определенную информацию о происходящем в СССР Добржанский получал от всех советских ученых, побывавших у него в гостях: М. Н. Римского-Корсакова, ¹⁸⁷ Б. М. Завадовского ¹⁸⁸ и Г. Д. Карпеченко. ¹⁸⁹ Кроме того, об особенностях политической ситуации в СССР Добржанский информировали некоторые русские эмигранты в США, в частности П. Милоков, с которым Добржанский случайно познакомился в экспрессе Берлин—Париж, ¹⁹⁰ а потом встретился в Вудс Холе, где осела часть русских эмигрантов.

Все эти общие сложности усугублялись положением самого Добржанского. 18 января 1929 г. ¹⁹¹ Ю. А. Филипченко известил Добржанского о том, что их паспорта не продлены, так как Академия не сообщила своевременно в соответствующие органы в Москве о продлении командировки Добржанского. 3 февраля 1929 г. ¹⁹² он написал, что дело о паспортах застряло в Москве. В результате паспорта Добржанских оказались просроченными, и Добржанский, идя на встречу Вавилову, послал заявление о восстановлении паспортов. К тому же в конце 1929 г. «дело» Добржанского приняло независимо от его воли и желания, да и не могло не принять, сугубо политический оборот, так как вопрос о сроке возвращения ассистента кафедры генетики был решен на самом высоком уровне и невыполнение этого решения однозначно предопределяло судьбу Добржанского. 21 декабря 1929 г. Ю. А. Филипченко писал ему: «До этого письма в Ваши руки попадет еще два моих письма и они сделают для Вас ситуацию более ясной. Тут некого и нечего убеждать, а сказано и нужно делать! Уже самый факт пересылки бумаги об Вас из Кремля достаточно показывает, что не в Академии тут сила».

Таким образом, все внешние объективные обстоятельства складывались в один неблагоприятный фон, а все вместе, с учетом личности Добржанского, затягивалось в один неразвязываемый узел.

Трудная, но богатая жизненная школа Добржанского, большая самостоятельность с раннего детства, его знакомство со многими выдающимися и независимыми людьми самых разных взглядов и убеждений в годы гражданской войны и в 20-е гг., в том числе с И. И. Шмальгаузенем, А. П. Семеновым-Тянь-Шанским, В. И. Вернадским, С. С. Четвериковым, наконец, с Ю. А. Филипченко, сделали его очень независимым, не признающим никаких авторитетов человеком, веселым и крайне острым на язык. Это был внутренне свободный человек, неспособный к тому, о чем предупреждал его Ю. А. Филипченко и чего требовал от него Н. И. Вавилов: неспособный привыкать и приспосабливаться. Таким, каким он был, он уже в начале 1929 г. не вписывался в складывающуюся структуру, косвенным подтверждением чего является жалоба Ю. А. Филипченко 26 марта 1929 г. на то, что Добржанский постоянно задает вопросы, свидетельствующие о непонимании конъюнктуры.¹⁹⁴

К тому же Добржанский, будучи в политическом отношении кем-то вроде «либерала» в духе В. И. Вернадского, являлся человеком, не скованным новыми догмами, свободным в своем душевном движении и в своих поступках. Он хорошо понимал общую атмосферу в стране, ее грозный смысл и свою собственную неписываемость в сталинскую казарму, о чем свидетельствует и последнее письмо Добржанского Вавилову: «Хуже всего то, что, судя по Вашему письму, от меня потребовалось бы то, что я не могу дать. В самом деле, для того чтобы жить, мне потребовалось бы подрабатывать писанием. Это еще бы ничего, в конце концов многие так живут. Но вот те требования о стиле и характере писания, о которых Вы говорите, делают для меня положение невозможным. С этим стилем я не знаком, а поскольку знаком — чувствую себя не в силах ни его принять, ни даже под него подделываться. А к тому же, ясное дело, и лабораторию надо вести в том же духе. Значит, с первых же шагов — неприятности, унижения и прочее».¹⁹⁵

История показала, и очень скоро, уже через год, когда Добржанский встретился с Вавиловым в США во время генетического конгресса и Итаке в августе 1932 г., что правда в споре Добржанского с Вавиловым была на стороне первого. Вавилов был единственным советским генетиком на конгрессе, его постоянно сопровождали два «помощника». Только в кафетерии, сев на свободные места за уже занятым столиком, Добржанский и Вавилов ненадолго оказались одни и «Вавилов сказал тихо по-русски: „Добржанский, поступайте так, как хотите. Если не хотите возвращаться, не возвращайтесь. Оставайтесь здесь“».¹⁹⁶ По впечатлению Добржанского, это был уже совсем другой человек.¹⁹⁷

Последствия невозвращения были таковы, что на несколько десятков лет прекратилась переписка с друзьями и родными. Имя Добржанского исчезло на этот же срок из советской печати, а если и появлялось иногда, как в «Правде» 2 сентября 1947 г., то только как имя прямого врага народа. Но и после «хрущевской оттепели» советские читатели узнавали о нем как о американском генетике. Более того, клеймо «невозвращенец» дважды помешало ему приехать на родину.

В 1963 г. Национальная Академия наук в Вашингтоне послала официальную заявку в Академию наук от его имени, но не получила прямого ответа. В телеграмме, подписанной С. Г. Корнеевым, возглавлявшим Отдел внешних сношений АН СССР, и направленной в секретариат Национальной Академии в Вашингтоне, выражалось сожаление в связи с тем, что поездка Добржанского не может быть организована. Спустя пять лет, после неофициального приглашения от трех советских генетиков на Международном генетическом конгрессе в Токио, Добржанский предпринял повторную попытку попасть на родину. В течение месячного визита по обмену он должен был посетить в 1969 г. Москву, Ле-

нинград и Киев. В апреле на официальный запрос пришел такой же краткий отказ, как и в первый раз, без объяснения причин.¹⁹⁸

Статьи Добржанского о лысенкоизме в зарубежных журналах были практически недоступны советскому читателю: они либо просто изымались из журналов, либо журналы оказывались в спецхранах. Многие удивлялись, когда в 1979 г. удалось опубликовать статью о значении его книги 1937 г.¹⁹⁹ Это был единственный из крупнейших эволюционистов XX в., о котором в БСЭ нет биографической статьи, а есть лишь краткая биографическая справка в «Дополнениях» в 30-м томе.

Излишне говорить о тех негативных последствиях для нашей науки и культуры, которые связаны с «невозвращением» этого человека. Достаточно вспомнить, что приобрела Америка, чтобы понять, что потеряли мы.

С высот сегодняшнего знания об историческом пути нашей страны и его издержках, о судьбах отдельных ученых, в частности Н. И. Вавилова, имеет смысл задать и в известном смысле риторический вопрос: правильно ли поступил Добржанский? То, что его ожидало, очевидно. Добржанский был удобной фигурой для фабрикации дела о шпионаже в пользу империалистической разведки. Но ни это, ни фактическое одобрение его решения и Ю. А. Филипченко, и Н. И. Вавиловым, полностью вопроса не снимает. Ведь сталинские репрессии и брежневское безвременье — это лишь проблема степени нетерпимости к тому, что объявляется враждебным социализму. А совместима ли в принципе «коммунистическая» система, по крайней мере в ее сталинско-брежневском варианте, с «некоммунистическими» людьми?

Главный урок судьбы Добржанского для нашего ближайшего и отдаленного будущего в том, что если не допускается в рамках «коммунизма» нечто «некоммунистическое», то это неизбежно приводит в конце концов к преступлениям против человека и человечности.

Примечания

¹ *Большаков В.* Эмиграция: вопросы к самим себе // Правда. 1989. 9 янв.; *Гранин Д.* Свои «чужие» // Известия. 1989. 15 янв.

² Подробнее биографические сведения см.: *Land B.* Evolution of a scientist: the two worlds of Th. Dobzhansky. New York, 1973. 203 p.; *Ehrman L, Wallace B.* Obituary // Nature. 1976. Vol. 260. P. 179; *Ayala F. J.* Noting in biology makes sense, except in the light of evolution. (Theodosius Dobzhansky: 1900—1975) // J. Heredity. 1977. Vol. 68. P. 3—10; *Lewontin R. C.* Introduction: The scientific work of Th. Dobzhansky // Dobzhansky's genetics of natural populations. New York, 1981. P. XI—XIV; *Provine W. B.* Origins of the genetics of natural populations series // Dobzhansky's genetics of natural populations. New York, 1981. P. 111—176; *Конашев М. Б.* Феодосий Григорьевич Добржанский (1900—1975) // Ф. Г. Добржанский и эволюционный синтез. Л., 1990.

³ Одно из таких последствий состояло в том, что в сентябре 1931 г. Добржанский с женой, Натальей Петровной Сиверцевой, оказался перед реальной угрозой остаться вообще без гражданства, поскольку советские паспорта Добржанских были давно просрочены и практически не было шансов на восстановление их действительности, а американские иммиграционные власти отказались выдать визы. Лишь благодаря усилиям А. Стертеванта, Т. Г. Моргана и Р. Э. Милликэна, президента Калифорнийского технологического института, вопрос все же был решен положительно на самом высоком уровне — президентом США Г. Гувером. См.: *Land B.* Evolution of a scientist: the two worlds of Th. Dobzhansky. New York, 1973. P. 185—187.

⁴ Автор выражает признательность М. Б. Адамсу, проф. Пенсильванского университета (США) за передачу Рукописным отделом (РО) ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина ксерокопий 50 писем Ю. А. Филипченко к Ф. Г. Добржанскому в обмен на ксерокопии 75 писем Ф. Г. Добржанского к Ю. А. Филипченко и архиву Всесоюзного института растениеводства (ВИР им. Н. И. Вавилова) ксерокопий 8 писем Н. И. Вавилова к Ф. Г. Добржанскому в обмен на ксерокопии 4 писем Ф. Г. Добржанского Н. И. Вавилову, а также всем, кто в США и СССР содействовал осуществлению этого обмена. Письма, с которых проф. А. Б. Адаме снял ксерокопии, хранятся в архиве Американского философского общества.

⁵ ГПБ, ф. 813, ед. хр. 1245, л. 107.

⁶ Там же, л. 23—24.

⁷ Там же, л. 33.

⁸ Там же, л. 102.

⁹ Там же, л. 148.

- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же, л. 164.
- ¹³ Там же, л. 128.
- ¹⁴ См. письма Ю. А. Филиппченко к Ф. Г. Добржанскому от: 26 марта 1928 г. (ГПБ, ф. 813, ед. хр. 1245, л. 27), 29 мая 1928 г. (там же, л. 50), 14 октября 1928 г. (там же, л. 85), 28 октября 1928 г. (там же, л. 89), 18 января 1929 г. (там же, л. 111), 20 октября 1929 г. (там же, л. 151—152) и письма Ф. Г. Добржанского к Ю. А. Филиппченко: 29 октября 1928 г. (ГПБ, ф. 813, ед. хр. 282, л. 108), 2 ноября 1928 г. (там же, л. 112), 22 декабря 1928 г. (там же, л. 125), 11 февраля 1929 г. (ГПБ, ф. 813, ед. хр. 283, л. 13), 23 марта 1929 г. (там же, л. 24), 2 июня 1929 г. (там же, л. 48), 26 июня 1929 г. (там же, л. 58), 1 ноября 1929 г. (там же, л. 18—19).
- ¹⁵ ГПБ, ф. 813, ед. хр. 1245, л. 128.
- ¹⁶ Там же, ед. хр. 283, л. 4.
- ¹⁷ Там же, л. 7.
- ¹⁸ Там же, ед. хр. 1245, л. 120.
- ¹⁹ Там же, л. 122—123.
- ²⁰ Там же, л. 123—124.
- ²¹ Там же, ед. хр. 283, л. 22.
- ²² Там же, ед. хр. 1245, л. 135.
- ²³ Там же, л. 132.
- ²⁴ Там же, л. 12 (датировано 12 февраля 1928 г.), л. 37 (датировано 9 мая 1928 г.), л. 84 (датировано 14 октября 1928 г.).
- ²⁵ Там же, л. 120.
- ²⁶ Там же, л. 124.
- ²⁷ Там же, ед. хр. 283, л. 7.
- ²⁸ Там же, л. 13.
- ²⁹ Там же, л. 20.
- ³⁰ Там же, л. 22.
- ³¹ Там же, л. 20.
- ³² Там же, ед. хр. 1245, л. 135а.
- ³³ Там же, л. 120.
- ³⁴ Там же, ед. хр. 283, л. 27.
- ³⁵ Там же, л. 27.
- ³⁶ Там же, л. 30.
- ³⁷ Там же, ед. хр. 1245, л. 27.
- ³⁸ Там же, л. 79.
- ³⁹ Там же, л. 88 (датировано 28 октября 1928 г.).
- ⁴⁰ Например, в письме от 14 июля 1928 г. Добржанский подробно излагает доклады К. Б. Бриджеса, А. Лансфельда и К. Демерека (ГПБ, ф. 813, ед. хр. 282, л. 77); 16 августа и 25 августа того же года извещает о ходе и результатах энтомологического конгресса в Итаке (там же, л. 87, 89); 14 сентября дает описание Калифорнийского технологического института, в особенности факультета биологии (там же, л. 116), а 16 ноября сообщает о последней статье Г. Мёллера (там же, л. 118).
- ⁴¹ ГПБ, ф. 813, ед. хр. 282, л. 104.
- ⁴² Там же, л. 105.
- ⁴³ См. письма Ю. А. Филиппченко от 26 марта 1928 г. (ГПБ, ф. 813, ед. хр. 1245, л. 28), 19 апреля 1928 г. (там же, л. 34), 9 мая 1928 г. (там же, л. 38—39), 8 июня (там же, л. 54), 19 июня (там же, л. 58), 7 июля (там же, л. 66), 24 июля (там же, л. 68), 31 июля (там же, л. 70, 71), 12 августа (там же, л. 75), 4 сентября (там же, л. 77), 16 сентября (там же, л. 80—81) и др.
- ⁴⁴ ГПБ, ф. 813, ед. хр. 1245, л. 81.
- ⁴⁵ Там же, л. 88.
- ⁴⁶ Там же, ед. хр. 282, л. 127.
- ⁴⁷ Там же, ед. хр. 283, л. 16.
- ⁴⁸ Там же, ед. хр. 1245, л. 25 (датировано 26 марта 1928 г.), л. 116 (датировано 3 февраля 1929 г.).
- ⁴⁹ Там же, л. 116.
- ⁵⁰ Там же, л. 23 (датировано 15 марта 1928 г.), л. 25 (датировано 26 марта 1928 г.), л. 33—34 (датировано 19 апреля 1928 г.).
- ⁵¹ ЦГАНТД г. Ленинграда, ф. 318, оп. 1—1, д. 371, л. 47.
- ⁵² Там же, л. 48.
- ⁵³ Ни смерть жены в 1969 г. (22 февраля), ни собственная болезнь (последние семь лет Добржанский жил, зная, что неизлечимо болен) не изменили его деятельного образа жизни. Накануне смерти (Добржанский умер 18 декабря 1975 г.) он работал в лаборатории.
- ⁵⁴ ГПБ, ф. 813, ед. хр. 282, л. 93.
- ⁵⁵ Там же, л. 117.
- ⁵⁶ Там же, л. 125.
- ⁵⁷ Там же, ед. хр. 283, л. 1.
- ⁵⁸ Там же, л. 28.
- ⁵⁹ Там же, л. 33.
- ⁶⁰ Там же, ед. хр. 284, л. 40.

⁶¹ Там же, л. 43.

⁶² Там же, л. 44.

⁶³ ЦГАНТД г. Ленинграда, ф. 318, оп. 1—1, ед. хр. 371, л. 158.

⁶⁴ Там же, л. 160—165.

⁶⁵ *Ayala F. Nothing in biology makes sense, except in the light of evolution* (Theodosius Dobzhansky: 1900—1975) // *J. Heredity*. 1977. Vol. 68. P. 6—7.

⁶⁶ Добржанский подробнейшим образом информировал Ю. А. Филипченко о ходе всех своих исследований практически в каждом письме. См. например: ГПБ, ф. 813, ед. хр. 283, л. 1 (датировано 10 января 1929 г.), там же, л. 10 (датировано 7 февраля 1929 г.).

⁶⁷ ГПБ, ф. 813, ед. хр. 1245, л. 119—129.

⁶⁸ Там же, ед. хр. 283, л. 17.

⁶⁹ Там же, л. 19.

⁷⁰ Там же, ед. хр. 1245, л. 147.

⁷¹ На просьбу Ю. А. Филипченко прислать работу для «Известий» Добржанский 9 марта 1929 г. (ГПБ, ф. 813, ед. хр. 283, л. 19) ответил согласием с единственным условием: напечатать ее также по-английски в *Genetics*. 14 сентября 1929 г. Добржанский известил Ю. А. Филипченко, что закончил работу «на тему „Морфологический и экспериментальный анализ явления интересексуальности у *Drosophila melanogaster*“, которую я полагаю бы уместным напечатать в редактируемых Вами „Известиях Бюро по генетике КЕПС“» (там же, л. 2). 16 сентября он подтвердил, что дает в «Известия» именно работу по интересексам, поскольку «две другие вещи — анализ эффекта Stubble и III—IV транслокаций уже написаны и отправлены: первая — к Бауру, вторая — в *Genetics*» (там же, л. 5).

⁷² ГПБ, ф. 813, ед. хр. 1245, л. 179.

⁷³ Там же, ед. хр. 283, л. 1.

⁷⁴ Там же, л. 34.

⁷⁵ Там же, ед. хр. 1245, л. 161.

⁷⁶ Там же, л. 174.

⁷⁷ Там же, ед. хр. 283, л. 64.

⁷⁸ Там же, л. 67.

⁷⁹ Там же, ед. хр. 284, л. 7 (датировано 19 сентября 1929 г.) (датировано 25 января 1930 г.).

⁸⁰ ГПБ, ф. 813, ед. хр. 284, л. 18—19 (датировано 16 октября 1929 г.), л. 40 (датировано 25 января 1930 г.).

⁸¹ Подробнее о взаимоотношениях Ф. Г. Добржанского и Ю. А. Филипченко как людей и ученых см.: *Конашев М. Б. Ф. Г. Добржанский и Ю. А. Филипченко* // Ф. Г. Добржанский и эволюционный синтез. Л., 1990.

⁸² См., например, сообщения Ю. А. Филипченко: в письме от 1 апреля 1928 г. о том, что после генетического съезда «всех здешних что-то прорвало, и мы ведем очень нетрезвую жизнь» (ГПБ, ф. 813, ед. хр. 1245, л. 32), 4 сентября 1928 г. о своих планах на отдых (там же, л. 76), 7 апреля 1929 г. об учебе своего сына (там же, л. 137), 14 февраля 1930 г. о своем 48-летию (там же, л. 188).

⁸³ ГПБ, ф. 813, ед. хр. 284, л. 40.

⁸⁴ *Land V. Evolution of a scientist*. P. 165.

⁸⁵ ГПБ, ф. 813, ед. хр. 284, л. 50.

⁸⁶ Там же, ед. хр. 1245, л. 31.

⁸⁷ Там же, л. 49.

⁸⁸ Там же, л. 57—58.

⁸⁹ Там же, ед. хр. 282, л. 90.

⁹⁰ Там же, ед. хр. 1245, л. 78—79.

⁹¹ Там же, л. 79.

⁹² Там же, ед. хр. 282, л. 104.

⁹³ Там же, ед. хр. 1245, л. 83.

⁹⁴ Там же, ед. хр. 282, л. 113—114.

⁹⁵ Там же, ед. хр. 1245, л. 95.

⁹⁶ Там же, л. 95.

⁹⁷ См., например: там же, л. 102 (датировано 17 декабря 1928 г.), л. 106 (датировано 1 января 1929 г.). В ответ 21 января 1929 г. Добржанский писал: «Что касается возможностей для меня остаться здесь на ряд лет, то такая решительно отсутствует. ...Вы, конечно, совершенно правы в оценке тех преимуществ, какие бы отсюда проистекали для меня, и я это чувствую. ...Но есть и другое чувство, называемое любовью к родине, которое у меня развилось особенно остро на чужбине» (л. 7).

⁹⁸ ГПБ, ф. 813, ед. хр. 283, л. 1.

⁹⁹ Там же, л. 4.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же, ед. хр. 1245, л. 119.

¹⁰² Там же, ед. хр. 283, л. 7.

¹⁰³ Там же, ед. хр. 1245, л. 129.

¹⁰⁴ Там же, ед. хр. 283, л. 30.

¹⁰⁵ Там же, л. 50.

¹⁰⁶ Там же, л. 51.

¹⁰⁷ Там же, л. 63.

¹⁰⁸ Там же, л. 66.

- ¹⁰⁹ Там же, л. 67.
¹¹⁰ *Land B.* Evolution of a scientist. P. 140.
¹¹¹ Ibid., p. 177.
¹¹² Ibid., p. 178.
¹¹³ Ibid., p. 179.
¹¹⁴ ГПБ, ф. 813, ед. хр. 283, л. 5, 7.
¹¹⁵ Там же, ед. хр. 284, л. 9.
¹¹⁶ Там же.
¹¹⁷ Там же, ед. хр. 1245, л. 135.
¹¹⁸ Там же, л. 144.
¹¹⁹ Там же, ед. хр. 284, л. 1.
¹²⁰ Там же, л. 2.
¹²¹ Там же, л. 5.
¹²² Там же, ед. хр. 1245, л. 144.
¹²³ Там же, л. 147.
¹²⁴ Там же, л. 150.
¹²⁵ Там же, л. 155.
¹²⁶ Там же, л. 160.
¹²⁷ Там же, ед. хр. 284, л. 27.
¹²⁸ Там же, ед. хр. 1245, л. 166.
¹²⁹ Там же, ед. хр. 284, л. 31.
¹³⁰ Там же, л. 42.
¹³¹ Там же, ед. хр. 751.
¹³² Там же, ед. хр. 1245, л. 184.
¹³³ Там же, ед. хр. 284, л. 39 (датировано 25 января 1930 г.).
¹³⁴ Там же, л. 43.
¹³⁵ Там же, л. 44.
¹³⁶ Архив ВИРа, ф. Ф. Г. Добржанского, д. 1, л. 5 (ксерокопия).
¹³⁷ Там же, л. 5—6.
¹³⁸ ГПБ, ф. 813, ед. хр. 284, л. 46—48.
¹³⁹ Там же, ед. хр. 1245, л. 189.
¹⁴⁰ Там же, л. 195—196.
¹⁴¹ *Land B.* Evolution of a scientist. P. 183.
¹⁴² ЦГАНТД г. Ленинграда, ф. 318, ед. хр. 317, л. 157.
¹⁴³ Там же, ф. 813, ед. хр. 371, л. 157.
¹⁴⁴ Там же.
¹⁴⁵ Там же, л. 156 (копия).
¹⁴⁶ Там же, л. 158.
¹⁴⁷ Там же, л. 159, 160—165.
¹⁴⁸ Там же, л. 170.
¹⁴⁹ Там же, ф. 318, оп. 1—1, ед. хр. 371, л. 168 (копия).
¹⁵⁰ Там же, л. 169 (копия).
¹⁵¹ Там же, л. 173 (копия).
¹⁵² Там же, л. 275.
¹⁵³ Архив ВИРа, ф. Ф. Г. Добржанского, д. 1, л. 5 (ксерокопия).
¹⁵⁴ ЦГАНТД г. Ленинграда, ф. 318, ед. хр. 371, л. 172 (копия).
¹⁵⁵ Там же, л. 168 (копия).
¹⁵⁶ Там же.
¹⁵⁷ Архив ВИРа, ф. Ф. Г. Добржанского, д. 1, л. 3 (ксерокопия).
¹⁵⁸ ЦГАНТД г. Ленинграда, ф. 318, оп. 1—1, д. 371, л. 172 (копия).
¹⁵⁹ Там же, л. 168 (копия).
¹⁶⁰ *Land B.* Evolution of a scientist. P. 180.
¹⁶¹ ГПБ, ф. 813, ед. хр. 1245, л. 6 (датировано 20 января 1928 г.).
¹⁶² Там же, л. 9, 25, 31, 47 (датировано 12 февраля 1928 г., 26 марта, 1 апреля, 22 мая 1928 г.).
¹⁶³ Там же, л. 54 (датировано 8 июня 1928 г.).
¹⁶⁴ Там же, л. 51.
¹⁶⁵ Там же, л. 46 (датировано 22 мая 1928 г.).
¹⁶⁶ Там же, л. 111.
¹⁶⁷ Там же, л. 161.
¹⁶⁸ Там же, л. 173.
¹⁶⁹ Там же, л. 9.
¹⁷⁰ Там же, л. 17.
¹⁷¹ Там же, л. 23.
¹⁷² Там же, л. 115—116.
¹⁷³ Там же, л. 117.
¹⁷⁴ Там же, л. 128—129.
¹⁷⁵ Там же, л. 132.
¹⁷⁶ Там же, л. 139.
¹⁷⁷ Там же, л. 161—163.

- ¹⁷⁸ Там же, л. 181—182.
- ¹⁷⁹ Там же, л. 187.
- ¹⁸⁰ Там же, л. 190.
- ¹⁸¹ Там же, л. 194.
- ¹⁸² Организация советской науки в 1926—1932гг.: Сборник документов/Под ред. Б. Е. Быховско
го. Л., 1974. С. 44.
- ¹⁸³ Там же. С. 48—49.
- ¹⁸⁴ ГПБ, ф. 813, ед. хр. 1245, л. 128 (датировано 10 марта 1929 г.).
- ¹⁸⁵ Там же, л. 167 (датировано 1 декабря 1929 г.).
- ¹⁸⁶ *Медведев Н.Н.* Юрий Александрович Филипченко. М., 1978. С. 12.
- ¹⁸⁷ ГПБ, ф. 813, ед. хр. 1245, л. 88 (датировано 28 октября 1928 г.).
- ¹⁸⁸ Там же, ед. хр. 284, л. 7 (датировано 19 сентября 1929 г.).
- ¹⁸⁹ Там же, л. 31 (датировано 9 декабря 1929 г.).
- ¹⁹⁰ *Land B.* Evolution of a scientist. P. 141—142.
- ¹⁹¹ *Ibid.*, p. 164—165.
- ¹⁹² ГПБ, ф. 813, ед. хр. 1245, л. 116 (датировано 3 февраля 1929 г.).
- ¹⁹³ Там же, л. 172.
- ¹⁹⁴ Там же, л. 130.
- ¹⁹⁵ ЦГАНТД г. Ленинграда, ф. 318, оп. 1—1, ед. хр. 371, л. 175.
- ¹⁹⁶ *Land B.* Evolution of a scientist. P. 184.
- ¹⁹⁷ *Ibid.*, p. 184.
- ¹⁹⁸ *Land B.* Evolution of a scientist. P. 251—252.
- ¹⁹⁹ *Галл Я. М., Кошарев М. Б.* О формировании синтетической теории эволюции: Значение книги Ф. Добржанского «Генетика и происхождение видов»//Вопросы развития эволюционной теории в XX в. Л., 1979. С. 74—84.